

Гордость
и
предубеждения
ЖЕНЩИН
викторианской
эпохи

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Коллектив авторов
Гордость и предубеждения
женщин Викторианской эпохи
Серия «Как жили
женщины разных эпох»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18908393

Гордость и предубеждения женщин Викторианской эпохи: ТД

Алгоритм; Москва; 2016

ISBN 978-5-906861-16-0

Аннотация

«Чем больше я наблюдаю мир, тем меньше он мне нравится», – писала Джейн Остен в своем романе «Гордость и предубеждение».

Галантные кавалеры, красивые платья, балы, стихи, прогулки в экипажах... – все это лишь фасад. Действительность была куда прозаичнее. Из-за высокой смертности вошли в моду фотографии «пост-мортем», изображающие семьи вместе с трупом только что умершего родственника, которому умелый фотохудожник подрисовывал открытые глаза. Учениц престижных пансионов держали на хлебе и воде, и в результате в высший свет выпускали благовоспитанных, но глубоко больных женщин.

Каково быть женщиной в обществе, в котором врачи всерьез полагали, что все органы, делающие женщину отличной от мужчин, являются... патологией? Как жили, о чем говорили и о чем предпочитали молчать сестры Бронте, Джейн Остен другие знаменитые женщины самой яркой эпохи в истории Великобритании?

Содержание

Предисловие. Нужда, досуг и вдохновение	5
История первая. О женщине, которая не знала, как ведут себя мужчины, когда остаются одни	23
Вполне пристойное предложение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Гордость и предубеждения женщин Викторианской эпохи

Предисловие. Нужда, досуг и вдохновение

Мы привычно говорим «добрая старая викторианская Англия». При этом многие подразумевают вообще Англию XIX века, забывая о том, что за этот период на английском престоле сменилось четыре монарха Ганноверской династии: Георг III (1860–1820), Георг IV (1820–1830), Вильгельм IV (1830–1837) и, наконец, сама королева Виктория (1837–1901).

Королева Виктория с ее спаниелем Дэшем. 1833 год. *Художник – Джордж Хейтер*

Георг III – прогрессивный, интересовавшийся новинками в науке и особенно в механике и земледелии, был нестигаемым консерватором в политике. Любимой фразой короля была: «В мое время новшеств не будет!». Правнук Георга I – первого короля Ганноверской династии, призванной на престол, после смерти королевы Анны, когда в роду Стюартов не осталось наследников-протестантов, Георг III был первым из своей семьи, кто вырос в Англии и свободно говорил по-английски. Однако усвоить английский язык оказалось проще, чем британские традиции. Король свято верил в то, что именно он – повелитель своей страны и вовсе не обязан отчитываться парламенту. Через голову премьер-министра Уильяма Питта он заключил мир с Англией. Вступив на престол в 1860 году, он увлекся политической борьбой с парламентом, потерял американские колонии, затем, присоединившись к европейской коалиции, вступил в борьбу с революционной Францией. В 1801 году, после подавления восстания в Ирландии, он стал править Соединенным королевством Великобритании и Ирландии. Во всех этих передрягах, кажется, никого не удивляло, что король периодически впадал в безумие и начинал нести чепуху. Современные медики считают, что король страдал порфирией – наследственным нарушением обмена веществ, приводящим к тяжелому

поражению всех органов и тканей и слабоумию.

Принц-регент был общепризнанным красавцем и любимцем женщин. Правда, он страдал излишней полнотой, был распутен, но щедр, и покровительствовал искусству. Все знали его под прозвищем Принни, и отношение к нему колебалось от холодного презрения до пылкого обожания. Когда королю становилась хуже, число сторонников принца росло, когда король приходил в себя – уменьшалось. Но король тоже не пользовался всеобщей популярностью, молодые сторонники реформ освистывали его и забрасывали его карету камнями.

В конце концов после 1811 года дела короля пошли совсем плохо, он окончательно сошел с ума, ослеп и в 1820 году скончался в Виндзорском замке.

Принц-регент взошел на престол под именем Георга IV. На последние годы его регентства пришлась победа над Наполеоном (сражение при Ватерлоо, когда армия императора окончательно была разгромлена, произошло в 1815 году). Победу над французами одержали Веллингтон и Нельсон, но свет их славы упал и на Принни. Но в мирное время его недостатки как правителя стали очевидны. Над Георгом смеялись, газеты были полны карикатур на него, его карету осаждали возмущенные толпы. Георг отбивался как мог. Полиция арестовывала издателей карикатур и прокламаций, была введена смертная казнь за недозволенные митинги. С 1823 года Георг не появлялся на публике. Он даже построил тон-

нель из своего знаменитого восточного павильона в Брайтоне до манежа, где занимался верховой ездой. Он умер, не оставив наследников.

Трон перешел к его брату Вильгельму, который взошел на престол под именем Вильгельма IV. Это был очень скромный король, в молодости он служил во флоте, покуролесил, прижил множество незаконнорожденных детей, но потом взялся за ум, стал приверженцем строгой дисциплины, жил с женой в особняке на севере Лондона, как обычный горожанин. Иногда он даже подвозил лондонцев в своем экипаже. На его коронацию было потрачено в десять раз меньше средств, чем на коронацию Принни. Такая проста и неприязнительность обеспечила ему популярность, но с парламентом он не ладил, как, впрочем, и все ганноверцы.

В парламенте тоже наметился раскол. Лондон, в котором было уже более миллиона жителей, мог выдвинуть всего лишь шесть кандидатов в палату общин. Многие промышленные города, например Манчестер, Бирмингем или Лидс, не имели там своих представителей. В то же время немало кандидатов приходили в парламент из так называемых «гнилых местечек», малонаселенных или вообще исчезнувших «де-факто», но не на бумаге, деревень, где двое избирателей год за годом выбирают в палату общин друг друга. Рассказывали даже о некоем округе, земли которого в незапамятные берега затопило море. Тем не менее община, некогда обитавшая в этих местах, сохранила за собой право выдвигать в

парламент одного представителя. Ежегодно собственник берега садился в лодку вместе с тремя избирателями, они отчаливали от берега, и избиратели голосовали за владельца затонувших земель, обеспечивая ему место в палате общин. Палата общин не хотела больше мириться с этими устаревшими традициями. Палате лордов они нравились, так как позволяли проводить в парламент своих кандидатов. Вильгельм поддержал палату лордов, и страна снова оказалась на грани революции. Под давлением Вильгельм уступил. Гнилые местечки были уничтожены биллем о реформе 1832 года, демократия укрепилась, а значит, королевская власть снова ослабла. Вильгельм умер в 1837 году, пережив своего наследника. Трон отошел к восемнадцатилетней племяннице Вильгельма со знаменательным именем – Виктория.

Королева Виктория действительно «сделала эпоху» в истории Великобритании. Она снова доказала своей стране, что супружеская любовь может быть романтической. И родив девять детей, можно не утратить чувства к мужу, находящемуся ниже тебя по социальной лестнице. Но принц-консорт был действительно достоин любви не только королевы, но и всей Британии. Он подарил стране, ставшей его второй родиной, настоящее чудо – Всемирную выставку, которая оказалась эпохальным событием в жизни Европы, надолго закрепившим статус Британии как невероятно передовой и технически развитой страны. Выставка проходила в Гайд-парке с 1 мая по 15 октября 1851 года. Специально для нее было по-

строено здание из железа и стекла, которое мгновенно прозвали Хрустальным дворцом. После выставки дворец был разобран и перенесен на новое место, в лондонское предместье Сиднем-Хилл.

В память о безвременно почившем супруге королева построила мемориал. Он выполнен из цветного мрамора и украшен мозаикой, эмалью и скульптурой. Принц Альберт держит в руках каталог Всемирной выставки – как напоминание о его величайшем достижении. Мемориал стоит перед Альберт-холлом, прославленным залом, где и в наши дни проводятся филармонические концерты.

У принца и Виктории было девять детей, и благодаря династическим бракам Британия породнилась с Россией, Германией, Испанией, Данией, Швецией, Грецией, Румынией, Югославией.

Виктория и ее подданные создали совершенно особый образ Англии. Мы говорим о викторианской морали (женщины должны оставаться невинными, даже если из-за этого они с трудом понимают то, что происходит в мире и влияет на их жизнь, мужчинам дозволяются некоторые грешки при условии, если они будут держать их в тайне), о викторианской моде (широкие кринолины и тугие корсеты), о викторианской литературе (Диккенс, Теккерея, сестры Бронте). Талант, как водится, часто вступал в конфликт с общественным лицемерием. Но так как нормы, провозглашаемые викторианцами, опирались на библейскую мораль, противоречить им откры-

то означало прослыть аморальным человеком. Некоторым викторианцам, таким как Оскар Уайльд, нравилось бравировать своей аморальностью. Другие, например сестры Бронте, выбрали иной путь. Они просто рассказывали о жизни человеческого сердца, о тех испытаниях и искушениях, с которыми оно сталкивается, и предоставляли читателю самому делать вывод: нужны ли людям пути из викторианской морали, или им можно довериться и позволить иногда переступать границы.

* * *

Вы не найдете в романах наших героинь ни одного упоминания о правящей династии. Разве что в романе Джейн Остин «Гордость и предубеждение» можно найти такую сцену: общество собирается в доме семейства Лукасов, чтобы потанцевать. Сэр Лукас предлагает мистеру Дарси, гордому и несколько высокомерному молодому человеку, потанцевать с мисс Элизабет Беннет. Для затравки он спрашивает Дарси «как аристократ аристократа»:

– Вы ведь часто танцуете в Сент-Джеймсе? (То есть в королевской резиденции.)

– Никогда, сэр, – отвечает Дарси.

– Но разве вы не считаете, что это надлежащий способ отдать дань уважения подобному месту?

– Я стараюсь по возможности избегать уплаты подобной

дани какому бы то ни было месту.

Так в разговоре двух дворян танец в королевском дворце становится разновидностью вассальной службы. Дарси, аристократ голубых кровей, отказывается уважить таким образом своего короля. Что же не устраивает? Ганноверская династия или танцы сами по себе? Джейн Остин так и не дала ответа.

Рядовые британцы очень гордились своими монархами, но в повседневной жизни их беспокоили совсем другие проблемы.

* * *

Логика в XIX веке была проста и убедительна.

Мужчинам и женщинам сама судьба уготовила разные сферы деятельности. Мальчики от рождения предназначены к занятиям политикой, войной и финансами. Девочки, вырастая, становятся хозяйками дома, матерями и женами. Если где-то и когда-то эта схема, скорее отражающая желаемое, чем действительное положение дел, хоть сколько-то соответствовала реальности – так это в кругу английского дворянства XIX века. Поденщицы трудились на полях наравне с поденщиками; посудомойки, горничные, кухарки и экономки работали в богатых домах точно так же, как и лакеи, конюхи или дворецкие. Фермерши, жены ремесленников и торговцев помогали своим мужьям, а во время их отлучек мог-

ли заменить их в управлении хозяйством. И лишь кругозор дворянок был ограничен детьми и семьей.

Все в жизни девушки-дворянки зависело от замужества. Где она будет жить? В каком доме? На какие средства? Будет ли стеснена в расходах или будет жить на широкую ногу? Жене морского офицера суждено жить у моря и подолгу не видеть мужа. Жене полкового офицера нужно приготовиться к постоянным переездам и к общению с полковыми дамами. Жена землевладельца редко сможет выезжать из поместья мужа, зато будет устраивать балы для всей округи и рождественские ужины для арендаторов. Жена дипломата, возможно, побывает за границей. Какой простор для фантазий и гаданий!

Но оставим фантазии юным девицам и посмотрим на положение дел трезво. У замужней англичанки XIX века не было и не могло быть своего дохода. Когда она жила в семье родителей, ее нужды, как и нужды ее матери, удовлетворял отец. Затем она и все ее наследство переходили в безраздельное владение мужа, который выдавал ей определенную сумму на личные расходы, это назвалось *pin money* – в буквальном переводе «деньги на булавки». Она была вечной содержанкой.

Женщина из низших сословий имела некоторый выбор. Она могла выйти замуж за соседского сына, могла в ожидании суженого работать на ферме или уйти в город, учиться на швею, вышивальщицу, модистку или продавщицу. Это

не самые легкие пути заработать на кусок хлеба, к тому же одинокая молодая женщина запросто могла стать добычей любого заинтересовавшегося ею мужчины, и все же для девушек это была заманчивая жизнь – вдалеке от родителей, в компании подруг. Собственные деньги, пусть даже самые мизерные, давали некоторую самостоятельность. И когда такая девушка в конце концов все же выходила замуж, она знала, что в случае чего сможет внести вклад в семейный бюджет, и не так уж благоговела перед супругом.

Дочь священника или небогатого чиновника могла получить образование и пойти в гувернантки или учительницы. Конечно, не многим гувернанткам доставался главный приз – рука и сердце хозяина имения, чаще на их долю выпадали лишь попреки и издевательства, как со стороны хозяев и их детей, так и со стороны прислуги, видевшей в образованной гувернантке «выскочку и кривляку». Но учительница в пансионе могла позволить себе некоторую самостоятельность, и если она решалась предложить свои услуги на континенте, то могла и повидать мир.

Девушке из дворянской семьи, как правило, не грозили голод и нищета, ее статус защищал ее от оскорблений и посягательств со стороны мужчин, но у нее были иные трудности. На пути к семейному счастью девушек-дворянок ожидало одно серьезное препятствие. Их было попросту больше, чем женихов. Выйти замуж могли лишь приблизительно 30 % дворянок, остальные вынуждены были жить старыми

девами на иждивении своих братьев.

Что же повышало шансы девушки на замужество? Красота? Добрый нрав? Элегантность? Образованность? Увы, ответ гораздо проще: приданое свыше 10 000 фунтов. Дело в том, что в те времена крупные денежные суммы было принято помещать в банк и жить на проценты с них. Банк, как правило, начислял 4 %, а «прожиточный минимум» для дворянского семейства средней руки составлял около 400 фунтов в год. Итак, девушка с приданым более 10 000 фунтов могла обеспечить будущего мужа, – точнее, не она, а ее отец, который выдавал ей это приданое, – и на нее нужно обратить внимание. Более бедных невест следовало избегать, чтобы не разбить их сердце или, ненароком, свое.

Что же оставалось бесприданницам? Положение старой девы, как ни странно, имело свои преимущества. Женщины не рисковали ежегодно подорвать свое здоровье, а то и умереть в родах. Ей не нужно было постоянно оглядываться на мнение мужчины, она могла обрести некоторую самостоятельность, хотя и ограниченную рамками приличий. Но... только если ее семья богата. Однако среди дворянок оказалось немало таких, чье наследство не давало им возможности ни выйти замуж, ни вести достойную одинокую жизнь. Каким же образом дворянка могла заработать? Стать белошвейкой или модисткой, пойти торговать или работать на фабрике для нее было немыслимо. Да и вряд ли она смогла бы конкурировать с девушками, привыкшими к такой рабо-

те сызмальства. Стать компаньонкой или гувернанткой? Но это означало войти в чужую семью фактически в роли приживалки.

И вот образованные женщины открыли для себя новый источник дохода: они начали писать картины или романы. Профессия художницы или писательницы давала массу преимуществ: можно работать дома, общаясь с заказчиком по переписке. Можно не сообщать никому из родных и близких о своих занятиях, а то и вовсе спрятаться за мужским псевдонимом и избежать пересудов и упреков. Словом: «и невинность соблюсти, и капитал приобрести». Капитал, правда, небольшой, но вполне достаточный для скромной жизни. Кроме того, творческая работа помогала женщинам украсить свой досуг, давала возможность почувствовать, что в жизни есть не только повседневные заботы: цены на чай, фасоны шляпок и рецепты кексов. И, увлекаясь, отдаваясь вдохновению, они говорили о том, что волновало их и не могло не взволновать их читателей.

Вот так, благодаря женскому стремлению к независимости, английская, а вслед за ней и мировая литература получила бесценный подарок: целую плеяду великолепных книг, написанных женщинами и описывающих мир с женской точки зрения. И сейчас, открыв книгу, взятую с полки, мы можем услышать целый хор женских голосов, твердящих на разные лады: «Я люблю», «Я ненавижу», «Я страдаю», «Я счастлива», и главное – «Я существую».

Для читателей, особенно для женщин, было очень важно услышать эти голоса, понять, что они не одиноки, что они не сошли с ума, если размышляют о чем-то кроме своего семейного счастья. Не менее важным это оказалось и для наших современниц. Джейн Остин, Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот – эти и другие авторы-женщины приглашают нас в уютную английскую гостиную, чтобы за чашечкой чая поговорить о том, что волнует людей во все века: о жизни и смерти, о правде и неправде, об искренности и лицемерии, о любви и о том, что только кажется любовью. Они замечательные собеседницы – чуткие и остроумные, способные на ядовитую иронию и глубочайшее милосердие. И тогда мы осознаем, что наши проблемы – это не блажь или капризы, это отражение проблем, с которыми сталкивались и выход из которых искали женщины всегда. И, возможно, если мы будем смелыми и внимательными, если будем слушать и стараться понять друг друга, мы найдем этот выход.

* * *

Джейн Остин так и не вышла замуж. Мэри Шелли рано осталась молодой вдовой с ребенком и была вынуждена зарабатывать на жизнь своим трудом. Шарлотта Бронте умерла, не прожив в браке и года. Эмили и Энн никогда не выходили замуж.

Давайте узнаем, много ли они потеряли.

«Счастье в браке – дело случая» – так, по крайней мере, полагает Шарлот Лукас, героиня романа «Гордость и предубеждение», написанного Джейн Остин. Кроме того, она полагает, что «даже если будущие супруги превосходно знают склонности друг друга и заранее с ними свыклись – это не дает им никаких гарантий. Со временем разногласия неминуемо возникнут и неминуемо приведут к размолвкам. Лучше уж знать как можно меньше о недостатках человека, с которым собираешься провести жизнь».

Элизабет Беннет, напротив, считает что главное условие семейного счастья – тщательное изучение особенностей характера будущего мужа. Джейн, по-видимому, делает ставку на взаимную любовь.

Кира Найтли и Мэттью Макфэдьен – исполнители главных ролей в экранизации бессмертного романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение» (2005 г.).

«...как мало подлинного счастья ждет супружескую чету, соединившуюся под влиянием страстей, которые оказались более сильными, чем чувство ответственности и долга» (Джейн Остин «Гордость и предубеждение»)

Но возможен ли был в принципе счастливый брак в георгианской Англии? В особенности в среде дворянства, где браки, как правило, заключались из финансовых соображений. Или к большинству английских браков можно отнести слова Филдинга: «Лишь одна ситуация супружеской жизни чужда наслаждению – состояние равнодушия. Но если многим моим читателям известно, надеюсь, как бесконечно приятно бывает угождать любимому человеку, то, боюсь, найдутся и такие, которые изведали удовольствие мучить ненавистного. В этом удовольствии, сдается мне, нужно видеть причину того, что муж и жена часто отказываются от покоя, которым могли бы наслаждаться в браке, как бы ни были они ненавистны друг другу. Вот почему на жену часто находят припадки любви и ревности и она даже отказывает себе во всех удовольствиях, лишь бы разрушить и расстроить удовольствия мужа; а он, в отместку, подвергает себя всяческим стеснениям и сидит дома в неприятном для себя обществе, чтобы и жена оставалась с человеком, которого она тоже терпеть не может. Отсюда также обильные слезы, нередко проливаемые вдовой над прахом мужа, с которым она не имела ни минуты мира и покоя в жизни, но которого теперь ей

нельзя будет мучить»)?

Да и какого именно счастья ждали англичанки от брака? Вечной любви? Взаимного уважения? Идиллии в кругу детей? Или взаимной свободы, когда муж позволяет жене иметь любовников по своему вкусу, а жена мужу – любовниц?

Возможно вы удивитесь, узнав, что в английской культуре с давних времен существовало устойчивое мнение, что брак вовсе не является помехой страстной взаимной любви, что супруги могут быть вечными любовниками, не устающими дарить друг другу наслаждение. «Англичане сделали брак романтическим», – считает англичанка Нина Эптон, автор книги «Любовь и англичане» (большинство цитат, приведенных ниже, взяты из этой книги). Но одновременно брак продолжал оставаться как прямым путем к счастью, так и дорогой к трагедии. С другой стороны, Джейн Остин, Мэри Шелли и сестры Бронте, не помышляя об этом, не своими произведениями, но своим примером при сделали романтическим образ самостоятельной женщины, зарабатывающей на жизнь своим умом и талантом. Эти женщины, как и их романы, стоят того, чтобы познакомиться с ними поближе.

История первая. О женщине, которая не знала, как ведут себя мужчины, когда остаются одни

Вполне пристойное предложение

Возможно, это было так...

– До... до... дорогая моя мисс Остин! Мы давно знаем друг друга и, смею сказать, можем называться старыми ду... ду... друзьями. Знакомство с вашей семьей всегда было большой ра... ра... радостью для меня. Но с некоторых пор я понял, что питаю к вам чувство более нежное, чем дружба. Па... па... прошу вас, по... подарите мне счастье, которого я не до... достоин. Будьте моей женой!

Джейн выдохнула с облегчением. Гаррис в последнее время почти не заикался, но сейчас он разволновался, и ему приходилось прикладывать немалые усилия для того, чтобы закончить свою речь. И все время, пока он ее произносил, Джейн невольно мысленно помогала ему. Сейчас она перевела дух, но сердце все равно колотилось как сумасшедшее, а кровь стучала в висках. Еще бы! Это же самый главный день для девушки, день, о котором она когда-нибудь будет

рассказывать внукам, о котором вспомнит на смертном одре.

Она украдкой взглянула в окно. Но сквозь покрытое изморозью стекло лишь пробивался слабый голубоватый свет: начало декабря выдалось морозным и снежным. Почему-то она всю жизнь думала, что судьбоносный разговор состоится в саду, в летнюю жару или в ясные теплые дни августа. Ну что ж! Остается вообразить, что переплетения искрящихся кристаллов на стекле, в самом деле напоминающие листья каких-то растений, и есть сад. Который как раз подходит ей, без пяти минут старой деве. Нечего привередничать, дорогая!

Гаррис все еще не спускал с нее глаз, во власти одновременно надежды и страха. Нужно отвечать. Тем более это совсем не трудно: Гаррис милый юноша, да нет, милым юношей он был несколько лет назад, сейчас он – широкоплечий красавец, неглупый, с хорошим чувством юмора, значит, сможет выносить ее язвительный характер. Кроме того, он состоятелен, образован, закончил Уорчестер-колледж в Оксфорде, владеет поместьем в Хэмпшире – так что она будет жить недалеко от родных и друзей, и родители наконец перестанут беспокоиться о ее будущем. В общем, перед ней образчик самой редкой и драгоценной породы женихов – «одинокый мужчина, располагающий хорошим состоянием». Как ответить такому? Только так:

– Мистер Бигг, я буду счастлива стать вашей женой.

Вечер прошел шумно. Кассандра, сестра Джейн, была ошарашена, но счастлива. Сестры Гарриса Алитея, Кэт и даже недавно овдовевшая Элизабет наперебой поздравляли брата и дорогую подругу. По спальням разошлись поздно. Джейн думала: упадет на кровать и тут же унесется в страну снов, слушать перезвон свадебных колоколов. Ничуть не бывало, она вертелась под теплым одеялом, устраивала себе уютное гнездышко, но сон не шел. Пробовала считать гостей, которых нужно будет пригласить на их с Гаррисом свадьбу, думала о фасоне свадебного платья, представляла, как отправляется выбирать шелк, но почему-то фантазии, которым они с сестрой так любили предаваться в детстве, сегодня утратили всю свою прелесть.

Ей просто необходимо было успокоиться. И она прибегла к любимому средству. Перестала думать о себе. В самом деле, кому может быть интересна такая особа, как мисс Джейн Остин, когда на свете встречается столько занимательных людей. Вот, например, две подруги: мисс Шарлотта Лукас и мисс Элизабет Беннет, героини ее романа «Первые впечатления», благополучно отвергнутого издательством. Недавно она взялась его переписывать... Неизвестно, найдется ли у нее время, когда она станет замужней дамой, особенно если пойдут дети, но... почему бы ей сейчас не повидаться со ста-

рыми знакомыми?

Итак, Шарлотта Лукас и Элизабет Беннет. Чтобы поговорить наедине, они выходят в сад. Шарлотта садится на качели. Элизабет срывает спелый крыжовник с куста (подумала, и на языке появился знакомый сладковатый вяжущий привкус). Элизабет опускает голову, тень от полей шляпки скрывает лицо, видны лишь нежные очертания щеки, да иногда, когда слова подруги ее задевают, она вскидывает подбородок, и тогда на мгновение сверкают ее темно-карие глаза – кое-кому они кажутся «весьма красивыми и выразительными», кое-кто видит в них «необычный для женщины ум», но Элизабет об этом не подозревает. Подруги обсуждают влюбленность сестры Элизабет Джейн в мистера Бингли. Очевидную для них, но отнюдь не для мистера Бингли, потому что Джейн очень хорошо умеет скрывать свои чувства.

«– Быть может, это неплохо, – сказала Шарлотта, – настолько владеть собой, чтобы в подобных обстоятельствах не выдавать своих чувств. Однако в этой способности может таиться и некоторая опасность. Если женщина скрывает увлечение от своего избранника, она рискует не сохранить его за собой. И тогда слабым утешением для нее будет сознавать, что мир остался в таком же неведении. Почти всякая привязанность в какой-то степени держится на благодарности или тщеславии, и пренебрегать ими вовсе не безопасно. Слегка увлечься все мы готовы совершенно бескорыстно – небольшая склонность вполне естественна. Но мало найдет-

ся людей настолько великодушных, чтобы любить без всякого поощрения. В девяти случаях из десяти женщине лучше казаться влюбленной сильнее, чем это есть на самом деле. Бингли, несомненно, нравится твоя сестра. И тем не менее все может кончиться ничем, если она не поможет ему продвинуться дальше.

– Но она помогает ему настолько, насколько допускает ее характер. Неужели он так ненаблюдателен, что не замечает склонности, которая мне кажется очевидной?

– Не забывай, Элиза, что характер Джейн известен ему не так хорошо, как тебе.

– Но если женщина равнодушна к мужчине и не пытается подавить в себе это чувство, должен же он это заметить?

– Возможно, если только он проводит с ней достаточно много времени. Но хоть Бингли и Джейн видятся довольно часто, они никогда не остаются подолгу наедине. А встречаясь в обществе, они, конечно, не могут все время разговаривать только друг с другом. Поэтому Джейн должна использовать как можно лучше каждый час, в течение которого она располагает его вниманием. Когда сердце его будет завоевано, у нее останется сколько угодно времени для того, чтобы влюбиться в него самой.

– Неплохой план, – ответила Элизабет, – для тех, кто ищет только как бы побыстрее выйти замуж. И если бы я задумала приобрести богатого мужа или вообще какого-нибудь мужа, я бы, наверно, им воспользовалась. Но чувства Джейн

совершенно иного рода. Она не строит расчетов. До сих пор она еще не уверена ни в силе своей привязанности, ни в том, насколько она разумна. С тех пор, как они познакомились, прошло всего две недели. Она протанцевала с ним два танца в Меритоне, затем видела его в течение одного утра в Незерфилде. После того они еще четыре раза вместе обедали в большой компании. Этого недостаточно, чтобы она смогла изучить его характер.

– Конечно, нет, если смотреть на все, как ты смотришь. Если она только обедала с ним, она может судить лишь о его аппетите. Но ты забываешь, что они при этом провели вместе четыре вечера. А четыре вечера могут значить очень многое.

– Да, эти четыре вечера позволили им установить, что оба они игру в „двадцать одно“ предпочитают игре в покер. Боюсь, однако, что другие не менее важные черты характера успели им раскрыться гораздо меньше.

– Что ж, – сказала Шарлотта, – желаю Джейн успеха от всего сердца. И выйди она за него замуж хоть завтра, я бы считала, что она располагает теми же шансами на счастливую жизнь, как если бы изучала характер своего будущего мужа целый год. Удача в браке полностью зависит от игры случая. Как бы хорошо ни были известны сторонам обоюдные склонности и как бы хорошо они на первый взгляд между собой ни сочетались, – это никак не сказывается на счастье супругов. Со временем между ними возникнет неминуемый раз-

лад, и им выпадут все положенные на их долю огорчения. И не лучше ли в таком случае как можно меньше знать недостатки человека, с которым придется провести жизнь?

– Тебе хочется вызвать меня на спор, Шарлотта. Но твои рассуждения – чистейший вздор. Ты понимаешь это сама. Едва ли ты руководствовалась бы ими в собственной жизни»¹.

О, вот оно! Вот что не давало ей покоя! Несмотря на то, что они с Гаррисом хорошо знакомы, она совсем не знает его! Она может судить о его аппетите и о том, какую карточную игру он предпочитает, но между ними не было ни одного серьезного разговора, и... И она совершенно не любит его. Может быть, она смогла бы полюбить его... когда-нибудь... но он сделал предложение сейчас... а ей нечего предложить ему в ответ. Да он и сам не слишком представляет себе, на ком женится. Их счастье в браке полностью зависит от игры случая. А она так не может... Не сможет всю жизнь притворяться, если случай окажется не на их стороне. Боже мой, что она наделала! Нужно немедленно все исправить!

* * *

Джейн с трудом дождалась рассвета, беспокойно ворочаясь «на подобающем истинной героине бессонном ложе...

¹ Цитата из романа *Джейн Остин* «Гордость и предубеждение».

на терниях облитой слезами подушки», – как подумала она с усмешкой; чувство юмора не оставляло ее даже сейчас. Затем оделась, спустилась вниз, попросила Алитею найти брата... и все ему выложила. Как могла вежливо и учтиво, но такие новости при всем желании не сделаешь радостными. Гаррис был ошарашен, пытался ее убеждать... Она была непреклонна, и ему пришлось с сожалением отступить. Его сестры искренне огорчились. Кассандра тоже, но, зная характер Джейн, понимала, что спорить бесполезно. Теперь Джейн и Гаррис не могли оставаться под одной крышей. Сестры Остин погрузились в коляску, сестры Бигг отправились их сопровождать. На пороге пасторского дома в Стивентоне, в отчем доме Джейн и Кассандры, где жил в то время их брат Джеймс с семьей, девушки в слезах расстались. Теперь, когда все было решено, Джейн развила кипучую деятельность, и уже на следующий день Джеймс отвез ее и Кассандру в Бат, на курорт, где жили тогда их родители и где отлично исцеляются разбитые девичьи сердца. Всю дорогу туда Джейн сочиняла новый роман, мысленно оттачивая остроумные и изящные реплики героя и героини.

Семья – ад или рай?

Традиции супружеской любви в Англии более тысячи лет. Еще в VIII веке нашей эры суровые англосаксы слагали трогательные элегии о страданиях жены, разлученной с любимым мужем:

Как меня хранитель
и родню свою кинул,
муж, уплывши по хлябям,
плакала я на рассвете;
где же ты, господин мой,
один скитаешься, —
собиралась в дорогу
за супругом, как должно,
я, обиженная судьбою,
нелюбимая, злосчастливая,
но мужнино семейство
замыслило худо,
втайне захотело
развести нас навеки,
чтобы друг от друга
врозь мы жили долго в юдоли этой...
изболелась я душою,
и супруга законного
вдруг постигла,
как суров его жребий,
скрытны мысли,
как он духом страдает...
не забыть мне прежнего:
как часто мы ручались,
что разлучит нас только гибель-могила,
да по-другому стало ныне...
нашей супружеской
любви как не бывало,

претерпеваю повсюду
гнев и ненависть,
и гонения из-за любимого...

*Не меньшие страдания испытывали разлуке и мужчины.
Так, еще одна песня повествует о том, как «владыка, судьбой гонимый» тайно посылает к своей супруге гонца.*

...он же поручил мне ныне
сказать тебе, чтобы за море,
землю эту покинув,
плыла ты, тревожа воды,
едва услышишь под утесом
кукушки тоскующей
в кущах голос;
и тогда ни единому
из людей не внимая,
нимало не медля,
в море выйди,
плыви по водам,
по вотчине чаек,
в путь на полдень
ступай, отыщешь
там, долгожданная,
своего господина;
он же, муж, измолвил,
что в мире этом блага
большого ему не будет,
коль скоро бог всемогущий

вам позволит
пребывать, как прежде,
вместе неразлучно.

Средневековые монахи и богословы, заботясь о крепости брака, писали нравоучительные трактаты для мирян, в которых отношения мужа с женой предписывалось ставить по образу и подобию отношений Христа и церкви.

Джейн Остин (1775–1817) – английская писательница, провозвестница реализма в британской литературе, сатирик,

писала так называемые романы нравов

Английский монах-францисканец Варфоломей, рассуждая об этом предмете, выказывает глубокое знание мирской жизни. «До свадьбы жених старается завоевать любовь той, за коей ухаживает, с помощью даров, и подтверждает любовь свою посылкой писем, гонцов и разных подношений, дарит много подарков, и много вещей и скота, и обещает еще намного более. И дабы доставить ей удовольствие, он участвует в мужеских забавах и играх, и вершит славные деяния с помощью оружия, силы и мастерства. И старается выглядеть веселым и красивым, часто меняя свои наряды и одеяния. И все, что он должен дать и сделать для ее любви, он немедленно отдает и делает, не щадя сил своих... Он говорит ей приятные вещи, старается ее развеселить, будучи сам оживленным, радостным и внимательным, и наконец признается ей в любви и открыто высказывает свое желание в присутствии ее близких, и обручается с ней кольцом... и подписывает бумаги, и жалует ей деньги и подарки. Он устраивает празднества, пиры и свадебные гулянья... и услаждает слух своих гостей пением, игрой на волынке и другими искусствами менестрелей. И затем, когда все это заканчивается, он приводит ее в уединение своей комнаты и делает ее своей спутницей на ложе и за столом. И она становится хозяйкой его денег, и дома, и слуг. И затем он бывает внимателен и заботлив к ней не

менее, чем к себе самому; и с особой любовью он разъясняет ей, когда она поступает неправильно, и всегда заботится о том, чтобы ей было хорошо, и внимательно следит за ее поведением и поступками, за речью и внешним видом»...

Автор «Петра-пахаря» советовал мужчинам:

Женитесь по любви – не ради денег.

Такой лишь брак Господь благословляет

И наделит вас доброю супругой.

Однако монахи прекрасно сознавали, что реальность не совсем соответствует их благим пожеланиям. В реальности множество браков заключалось по расчету, зачастую между малолетними детьми. В результате, как полагали авторы нравоучительных трактатов: «любящих мужа и жену нельзя сыскать во всей Англии, поскольку мужчины женятся кто ради красоты, кто из-за богатства и других низменных интересов. Невозможно встретить брак по расчету, в котором муж любит жену, а та сердечно относится к мужу, ведь супруги страдают из-за несправедливого брачного закона».

И все же многие браки были, вероятно, основаны на взаимной любви и заботе. Об этом свидетельствует, например, такая запись из архива суда лорда-канцлера, датированная XII веком.

Человек, обвиненный в браконьерстве, оправдывался в суде следующим образом: «...А теперь я расскажу тебе о при-

чине моей личности и нетерпения. Моя дорогая жена к тому времени лежала в постели уже целый месяц, как сие ведомо моим соседям, присутствующим здесь. Она не могла ни съесть, ни выпить ничего из того, что любила, а паче всего возжелала она отведать линя. Я пошел на берег пруда, чтобы изловить всего лишь одного линя, и никакой иной рыбы из пруда я не словил... Я посмотрел на рыб, игравших в воде, таких прекрасных и таких блестящих, и, повинуясь превеликому желанию поймать линя, я лег на берег и прямо руками, попросту и безо всякой иной снасти поймал сего линя и вытащил его из воды...»

Но, возможно, обвиняемый просто пытается подыскать благовидный предлог? Может быть и так, однако не приходится сомневаться в искренности чувств другой средневековой англичанки Маргарет Пастон, которая пишет своему супругу: «Сэр! Умоляю тебя, ежели ты надолго задержишься в Лондоне, послать за мной, поелику я мечтаю о сем уже давно, с тех пор, как возлежала в твоих объятьях».

В XV веке еще одна женщина из семьи Пастонов, юная Марджери, тайно обвенчалась с управляющим имением Ричардом Каллем. Семья была в ужасе от подобного мезальянса, но молодые обратились в церковный суд, и он признал брак действительным. В конце концов семейству пришлось смириться, и пара жила долго и счастливо, хотя и весьма скромно. (Ричард продолжал оставаться управляющим имением, но Пастоны отказались поддерживать

отношения с Марджери.) Воодушевляющий пример для будущих поколений! Наиболее легкомысленные героини Остин именно так и считают и, чуть что, очертя голову убегают со своими возлюбленными. Однако реалистка Джейн Остин считает, что они поступают не слишком разумно.

* * *

В XVI веке, повинясь скипетру королевы-девственницы Елизаветы, грянуло веселое возрождение – эпоха шекспировского театра и королевских пиратов, роскошных особняков, кресел с подвижной спинкой («непристойным дневным ложем» называл их Шекспир), раздвижных столов, серебряных соусников, «леденцов для поцелуев» (конфет из цветочных лепестков освежающих дыхание), атласных ночных сорочек и модной английской косметики, за которой посылала корабли мать султана.

Детей все еще обручают в весьма юном возрасте – 12–14 лет, но кроме материальных соображений появились и другие причины для поспешности: «выдавай дочерей замуж вовремя, чтобы они не вышли сами», – советует один елизаветинский лорд другому.

Впрочем, даже детский брак мог оказаться счастливым. Один из елизаветинских джентльменов, Джерваз Холлс, писал в мемуарах о первой встрече со своей суженой Дороти Кирктон: «Существует поговорка: браки заключаются на

небесах. Когда я был еще мальчиком, а и вовсе младенцем, у меня возникло страстное желание на ней жениться, которое с каждым годом все более росло и наконец превратилось в решимость, а добрый ее нрав (купно со многими другими совершенствами души и тела, коих только можно желать от супруги) каждый час эту решимость во мне укреплял. Чувством передалось и моему отцу, настолько его охватив, что, хотя поначалу он высказывал по этому поводу великое сожаление, ибо что отец девочки не может дать ей никакого приданого, но в конечном счете не только всей душой возлюбил ее, но часто торопил меня с заключением брака».

Как правило, супруги не ограничивались душевной близостью и пренебрегали наставлениями церкви о том, что в супружеской спальне уместно лишь зачинать детей, но отнюдь не удовлетворять низменную похоть. Елизаветинцы наслаждались сексом, в том числе и на брачном ложе, и не слишком этого стеснялись. Вот, к примеру, письмо торговца полотном Джона Джонсона, посланное из Кале в Лондон жене Сабине в 1538 году. «Я ложусь спать в десять часов вечера; не хотела бы ты оказаться со мной в постели, чтобы заставить меня задержаться? Твой любящий муж...» Сабина отвечает: «Я не питаю никаких сомнений, что, когда, по воле Господа, ты вернешься домой, мы придем к доброму согласию, как именно провести эти холодные ночи».

Если же отец не позаботился вовремя о судьбе дочери, события могли принять весьма бурный оборот.

Так, в январе 1602 заключили тайный брак тридцатилетний Джон Донн, секретарь лорда-хранителя большой государственной печати Эджертона, и семнадцатилетняя Энн Мор, племянница лорда-хранителя. Через некоторое время Донн написал отцу своей возлюбленной сэру Джону Мору покаянное письмо: «Сэр, я признаю, что моя вина настолько велика, что не осмелюсь молить вас о ни о чем более, как только поверить, что ни цели мои, ни средства не были бесчестными. Но во имя той, о которой я забочусь более, чем о состоянии моем и жизни (иначе я никогда не смог бы ни радоваться в этой жизни, ни наслаждаться в следующей) я смиренно прошу вас избавить ее от ужасного испытания вашим внезапным гневом». У сэра Джона было достаточно причин для «внезапного гнева»: Донн, хоть и принадлежал к золотой молодежи, но не был аристократом, он перебивался случайными заработками и не имел постоянного источника дохода, и главное: он был католиком. И сэр Джон Мор постарался, чтобы новоиспеченный зять оказался в лондонской тюрьме Флит и, естественно, лишился работы.

Однако в конце концов зять и тесть примирились, и брак был оглашен в апреле 1602 года. Выйдя из тюрьмы, Донн оказался не у дел, а некогда солидное наследство почти полностью иссякло. Более десяти лет супругам пришлось прожить в нужде. Джон тщетно искал постоянную работу, переходил от одного знатного покровителя к другому. Тем

не менее он, по-видимому, был очень счастлив в браке. В 1611 году, когда Джон сопровождал своего нового патрона в заграничной поездке, он написал для Энн послание, которое назвал «Прощание, запрещающее печаль». В этом стихотворении взаимная любовь супругов становится отражением космической гармонии.

Связь наших душ над бездной той,
Что разлучить любимых тщится,
Подобно нити золотой,
Не рвется, сколь ни истончится.
Как ножки циркуля, вдвойне
Мы нераздельны и едины:
Где б ни скитался я, ко мне
Ты тянешься из середины.
Кружась с моим круженьем в лад,
Склоняешься, как бы внимая,
Пока не повернет назад
К твоей прямой моя кривая.
Куда стезю ни повернуть,
Лишь ты – надежная опора
Того, кто, замыкая путь,
К истоку возвратится скоро.

Один из его биографов Айзек Уолтон пишет о Донне и Энн: «Между ними существовало такое родство душ, что однажды, находясь в отлучке, он увидел во сне жену с мертвым младенцем на руках. Позже Донн узнал от супруги, что

в тот самый миг она разрешилась от бремени мертвым ребенком».

Энн родила 12 детей, семеро из них пережили свою мать. Она умерла в 1617 году, и после ее смерти Донн поклялся никогда больше не жениться.

** * **

XVII век – эпоха бурных политических схваток – подарил английской истории немало романтических историй.

Одна из самых своеобразных и трогательных связана с графом и графиней Нортумберлендскими. Эта пара вела весьма бурную и полную скандалов жизнь, в духе сатиры Филдинга; однажды, после очередной ссоры они рассталась на целых два года, потом снова съехались. Но когда после порохового заговора Гая Фокса граф «попал под раздачу» и оказался в Тауэре, графиня тут же перевела прицелы своих орудий и разослала по всей стране множество писем, в которых поносила последними словами короля и правительство. Тем временем граф в тюрьме писал для сына руководство «Обращение с женищиной», где советовал держать жену в ежовых рукавицах и не позволять ей проявлять свой норов. Так он коротал время до своего освобождения, после чего воссоединился с графиней, и они снова зажили не тихо и не мирно, но, по-видимому, счастливо. Когда графиня умерла, все ожидали, что граф вздохнет с облегчением. Однако

его горе было таким глубоким и неподдельным, что поразило всех его друзей.

Во время гражданской войны 1642–1649 года многие дворянки сопровождали своих мужей-офицеров всюду, куда тех направляла воля короля или Кромвеля. Анна Фэншоу, супруга Ричарда Фэншоу, военного министра, мать его четырнадцати детей, неизменно следовала за мужем, куда бы он ни направлялся – в Бристоль, Корнуолл, на острова Силли, в Ирландию, в Испанию, позже во Францию, в Бельгию, в Португалию. Когда ее муж попал в плен, Анна (как позже написала она своим детям) «неизменно каждое утро, как только часы пробьют четыре, взяв затемненный фонарь, совершенно одна, пешком шла из квартиры кузена Янгса на Чэнсери-Лейн в Уайтхолл – а там подходила к окну мужа и тихо его окликала; так мы с ним разговаривали, и иногда я настолько промокала от дождя, что вода затекала мне за ворот и выливалась у пят. Он рассказал мне, как следует обратиться к их генералу Кромвелю (что я непрерывно и делала), который очень уважал вашего отца и выкупил бы его к себе на службу на любых условиях».

Позже, после его освобождения, когда они плыли в Испанию, их судно чуть было не взял на абордаж турецкий военный корабль. Женщин немедленно закрыли вниз, чтобы не подвергались опасности. Однако Анна не пожелала разлучаться с мужем в такой решительный момент. «Этот зверь капитан запер меня в каюте; я долго стучала и кри-

чала – бесполезно, пока наконец дверь не открыл юнга; вся в слезах, я упростила его проявить милосердие и одолжить мне свою синюю нитяную шапочку и просмоленную куртку. Он согласился, и я дала ему полкроны, надела его одежду, отшивырнув ночную рубашку, тихо выбралась наверх и встала на палубе рядом с мужем, не страдая ни морской болезнью, ни страхом; должна признаться, что поступила неосторожно, но сделать это заставила меня страсть, с которой я не могла справиться».

Они прожили вместе более двадцати лет, и после смерти Ричарда Анна написала: «Слава Господу, на протяжении всей нашей жизни мы всегда жили одним умом. Наши души тесно сплелись воедино, наши цели и планы были едины, наша любовь – общей, одно и то же вызывало у нас негодование. Мы настолько хорошо изучили друг друга, что с первого взгляда могли понять мысли супруга. Если когда-либо на земле существовало настоящее счастье, то Бог дал мне его в нем».

Леди Пендаррок повезло меньше – ее супруга взяли в плен революционеры, и он был обезглавлен. Архивы сохранили ее прощальное письмо:

«Милое мое сердце, наша печальная разлука никоим образом не способна заставить меня забыть тебя, и с тех пор я почти не думаю о себе, а едино лишь о тебе. Твои милые объятия, которые я до сих пор живо помню и никогда не забуду, эти верные свидетельства чувств моего доброго

супруга, заворожили мне душу и вызвали в ней такое благоговение перед твоей памятью, что, будь это возможно, я собственной кровью скрепила бы твое мертвое тело, чтобы оно снова ожило, и (со всем благоговением) не сочла бы за грех еще ненадолго отнять у неба мученика. О мой любимый, прости мне мою страстность – ведь это будет последняя (о роковое слово!) весточка, которую ты от меня получишь. Прощай, десять тысяч раз прощай, дорогой мой, милый... Твоя печальная, но неизменно верная жена, которая будет любить даже твой мертвый прах». Другая вдова казненного роялиста, леди Рассел, записала в своем дневнике много лет спустя после того, как овдовела: «Сердце мое скорбит и не поддается утешению, ведь более нет со мной милого спутника, делившего со мной радости и печали... Не сомневаюсь, что он обрел, наконец, покой, а вот я без него на это не способна».

По другую сторону баррикад тоже кипели нежные чувства. Суровый лорд-протектор Оливер Кромвель в краткие минуты, свободные от военных и политических баталлий, писал своей супруге Элизабет: «У меня нет особых новостей, просто я люблю писать моей милой, которая неизменно обитает в моем сердце».

Англичанки XVII века были уже достаточно решительны не только для того, чтобы выходить замуж по любви, но и для того, чтобы не влюбляться в первого встречного. Так, Дороти Осборн, дочь губернатора острова Гернси, так

сформулировала свои требования к будущему супругу:

«Существует очень много черт характера моего будущего мужа, которые способны сделать меня счастливой в браке. Во-первых, у нас должны быть общие наклонности, а для этого он должен получить такое же воспитание, как я, и быть привычным к тому же обществу; то есть он не должен быть слишком уж сельским джентльменом и разбираться лишь в охотничьих соколах да собаках, предпочитая тех или других собственной жене, но и не должен быть одним из тех, чьи жизненные цели простираются не далее желания стать мировым судьей, а на склоне жизни – главным шерифом, который не читает ничего, кроме свода законов, и не изучает ничего, кроме латыни, дабы пересыпать ею свои речи, изумляя этим своих бедных ссорящихся соседей и скорее устрашая их, нежели убеждая помириться.

Он не должен начать курс своего обучения в бесплатной школе, быть направленным оттуда в университет и достичь пика своей карьеры в Судебных Иннах, не иметь никаких знакомых, кроме прежних товарищей по обучению в этих местах, говорить на французском, почерпнутом из свода стародавних законов, и не восхищаться ничем, кроме рассказов о пирушках былых времен; он не должен также быть городским щеголем, постоянно обитающим в таверне, и посредством, что не в состоянии представить, как можно хотя бы час провести без компании – разве что во сне; дамским угодником, строящим куры каждой встре-

ченной им женщине, думающим, что те ему верят, вечно смеющимся и над которым тоже смеются; ни мсье путешественником, с перьями на шляпе и в голове, который способен вести беседу лишь о танцах и дуэлях. Он ни в коем случае не должен быть глупым, сварливым, раздражительным, заносчивым либо алчным человеком, и ко всему этому следует добавить, что он должен любить меня, а я – его, со всею страстью, на которую мы только способны. Без всего этого его состояние, хотя бы и очень большое, не сможет меня удовлетворить, а если он обладает этими качествами, то даже его бедность не заставит меня раскаяться в своем выборе». При этом своему суженому она практически не оставляет выбора: «я так долго жила на свете, располагая сама собой, что кто бы ни овладел мною, должен будет принять меня такой, какая я есть, не надеясь когда-либо меня изменить».

Дороти Осборн, леди Темпл (1627–1695) – британская писательница, автор многочисленных романов в письмах, жена сэра Уильяма Темпла, 1-го баронета. Женщина стала знаменитой тем, что отказалась подчиниться воле семьи и выйти замуж за навязываемого жениха, причем, не кого-ни-

будь, а сына самого Оливера Кромвеля

Дороти была большой противницей теории о том, что «брак обладает волшебным свойством порождать из пустоты любовь, не говоря уже о неприязни», но одновременно не одобряла и длительные помолвки. «Я не помню, чтобы когда-либо видела или слышала о какой-нибудь паре, которая воспитывалась вместе (а таких, кто обручен с детства, как ты знаешь, множество) и супруги бы не испытывали друг к другу глубочайшую неприязнь и не расставались бы при первой возможности».

Эта разборчивость принесла свои плоды – Дороти отвергла самого сына лорда-протектора и после долгих лет противоборства с семьей вышла замуж за своего избранника – бывшего приближенного короля сэра Уильяма Темпла. В браке она была очень счастлива, что позволяло ей с чувством законного превосходства вздыхать над горестной судьбой своих знакомых и соседей: «Знавала я одного человека, очень красивого и способного стать истинным джентльменом, – ведь, хотя он и не был, как говорят французы, *grand philosophe*, но, находясь в хорошем обществе и немного узнав мир, он мог бы стать не хуже многих, о которых и он сам, и окружающие весьма высокого мнения. Теперь же он похож на большого мальчика, только что закончившего школу; мы видим, как он только и делает, что бегают по поручениям жены и обучает для нее собаку разного рода

трюкам, и это все, на что он способен, ибо в разговоре он говорит только сам, не давая никому вставить ни слова, и, услышав, что он говорит и как громко это делает, вы бы решили, что он пьян от счастья иметь жену и свору собак. Я так от этого устала, что вскоре заторопилась домой».

«Жена полковника Торнхилла – жертва самой дикой скотины из всех, когда-либо существовавших. В тот день, когда она приехала сюда (в Ноултон), он намеревался, похоже, приехать вместе с ней, но по пути заехал к старому приятелю и сказал ей, чтобы она ехала дальше, а он ее нагонит. Приехал он лишь на следующий вечер и был до того пьяным, что его немедленно пришлось уложить в постель, куда она и последовала за ним после ужина. Я даже перекрестилась при виде такого терпения».

«Возможно ли то, о чем говорят: что милорд и миледи Лестер серьезно поссорились и что, после того как он терпел ее сорок лет, сейчас он охаживает ее палкой и собирается добиться в семье полной власти? В какие же времена мы живем – вряд ли из десяти супружеских пар найдутся хотя бы две, которые не вопили бы во всеуслышание о своей неспособности найти общий язык».

Наблюдения Дороти Осборн-Темпл подтверждает священник англиканской церкви Джереми Тейлор: «Женщина рискует в браке большим, ибо нет у нее убежища, чтобы скрыться от дурного мужа; ей приходится замыкаться в своей печали и вынашивать плоды собственных неразумия

и несчастья, и она в большей степени находится под их гнетом, ибо ее мучитель обладает гарантиями своих привилегий, а женщина может жаловаться лишь Господу, как это делают подданные государей-тиранов; а более не к кому ей обратиться».

И все же не все сентенции Дороти подтверждаются. И в XVII веке из брака иногда возникала любовь. Один такой случай зафиксирован документально. Мэри Кирк, фрейлина королевы Екатерины, была отлучена от двора после того, как родила в Уайтхолле ребенка (незаконного). После этого сэр Томас Вернон, некогда отвергнутый ею любовник, снова возобновил свои ухаживания и женился на ней. Как заметил граф де Граммон, «его страсть после свадьбы даже увеличилась, а прекраснейшая его супруга, привязанная к нему поначалу из благодарности, скоро стала испытывать к нему влечение души и ни разу не принесла ему ребенка, отцом которого был бы не он; и хотя в Англии было немало счастливых пар, но эта, несомненно, была наисчастливейшей».

** * **

Аффра Бен – экстравагантная застрельщица женской литературы в Англии – оставила нам также своеобразную «Книгу для молодых супругов», в которой давала советы юному жениху «с другой половины постели».

«Эти белоснежные груди, которых доселе ты едва дерзал

касаться мизинцем, теперь, не спрашивая дозволения, можешь крепко сжимать рукою... О, невыразимое наслаждение! Теперь ты можешь заниматься сотней восхитительных дел, дабы утолить свои желания, и применять еще множество других волшебных приемов. Теперь ты можешь превзойти Аретино и всех его легкомысленных спутников в разнообразии любовных позиций...»

Однако брак не достигнет совершенства, если останется бездетным, и Афра Бен живо описывает тревогу ной новобрачной, которая через три месяца после свадьбы все еще не ощущает признаков беременности: «она очень ревностно выпрашивает у знакомых, какого рода ласки те получают от своих мужей; и самым бесстыдным образом рассказывает о том, что происходило между ней и ее мужем за занавесками или украдкой; и делает она это с целью узнать, понимает ли ее муж свое дело правильно, делает ли его достаточно хорошо и часто, а также насколько он способен к этому занятию и т. д. Для проверки этого женский совет выносит на свет Божий столь много подробностей брачных отношений, что стыдно бывает даже и помыслить, не то что поведать о них».

Миссис Бен перечисляет классические афродизиаки: устриц, яйца, петушиные гребешки, шоколад и тому подобное. Вполне современно звучит и следующий совет: «Я бы на твоём месте стала почаще заигрывать с ним, принимая всяческие милые и бесстыдные позы, дабы возбудить его;

тогда он несомненно поймет, что винить здесь следует не твою холодность и отсутствие желания, но вынужден будет признать, что ты в достаточной мере приложила к этому старания».

Если же стараний прилагается слишком много и молодая жена устает, мужа следует кормить: утиными яйцами, красной капустой с жирным мясом, мясом старых кур, рисом, телятиной и голубиными мозгами, сваренными в овечьем или козьем молоке, куда накрошен мускатный орех, с небольшим количеством рейнского вина.

Очень практический подход к супружескому блаженству, однако он не лишен смысла. Миссис Бен хорошо представляла себе, как женщина может настоять на своем и при этом избежать утомительных споров.

Уильям Коббет – историк протестантской реформации – с истинно протестантским здравомыслием дает советы женихам:

«Приглядись к тому, как она работает зубами, потому что они сопряжены с другими членами тела и функциями ума. „Как едим, так и работаем“ – пословица древняя, как седые скалы. Не придавай особого значения тому, как она вышивает, разного рода картам мира и прочим вышивкам, сошедшим с ее иглы. Посмотри лучше, как она расправляется с бараньей отбивной или бутербродом с сыром, – и если она поглощает их быстро, можешь быть твердо уверен в ее энергии, в том неутомимом трудолюбии, без которого жена

из помощницы превращается в обузу. Что касается любви к ленивой женщине, то в груди человека активного она не продержится более одного-двух месяцев. Другими признаками трудолюбия служат быстрая и немного тяжеловатая походка, а также то, что тело ее при ходьбе наклоняется немного вперед, а взгляд направлен в одну точку. Это хорошие качества, потому что говорят о серьезном намерении прийти в нужное место. Я не люблю, и никогда не любил, девиц с неторопливой и мягкой поступью, потому что они движутся, как будто им совершенно безразличен результат».

Аристократы, как водится, больше внимания уделяли духовным материям. Так, маркиз Галифакс написал «Наставление» для дочери Элизабет, вышедшей замуж за Филипа Стэнхоупа и ставшей позже матерью знаменитого графа Честерфилда. С суровой отеческой любовью он вводит дочурку (которой, скорее всего, лет 17–18) в курс дела или, скорее, открыто признает те неприятные подробности супружества, о которых дочурка уже могла бы догадаться сама: «Одна из невыгод положения твоего пола состоит в том, что молодым женщинам редко дозволяется поступать так, как они того желают, а забота и опыт их друзей считаются более надежными проводниками, нежели их собственные фантазии; и скромность часто не позволяет им ответить отказом на рекомендации родителей, хотя, быть может, в душе они и не всегда с оными согласны. В таковом случае им остается только попытаться облег-

чить свою участь и, мудро относясь ко всему, что не нравится им в муже, постепенно сделать вполне сносными те качества, кои, ежели на них не обращать внимания, могли бы со временем вызвать отвращение.

Прежде всего ты должна усвоить для себя главное: между полами существует неравенство, и в системе мироздания мужчины, кои должны быть законодателями, наделены большею долею разума; твой же пол, соответственно, лучше подготовлен к послушанию, необходимому для лучшего исполнения тех обязанностей, кои по праву на него возложены. Сие выглядит несколько несправедливо, но лишь на первый взгляд.

Ваша внешность обладает большею силою, нежели наши законы, а ваши слезы – большим могуществом, чем наши разумные аргументы. Действительно, по отношению к твоему полу законы брака более суровы... Законы не обращают внимания на неравенство умов, ведь лишь немногие мужчины, составлявшие их, обладали достаточной утонченностью. Ты же должна извлечь все возможное из требований закона и обычая... Посему ты прежде всего должна понять, что живешь в эпоху, когда некоторые слабости стали настолько обычными, что считаются до определенной степени допустимыми. В этом мире существует неравенство, и наш пол, подобно тирану, установил несправедливые правила, по которым то, что считается в высшей степени преступным для женщины, значительно менее осужда-

ется в мужчине. Корень и оправдание сей несправедливости заключаются в защите семьи от любых невзгод, что могут запятнать ее репутацию. Не провоцируй мужа – притворись лучшей, что ничего не замечаешь, – ведь не подобающие жене жалобы лишь делают ее смешной; не следует обо всем рассказывать миру, надеясь, что он примет твою сторону; сдержанность и молчание – вот лучший укор мужу. Они естественным образом сделают его более уступчивым в других вещах, и их благотворное влияние ты будешь ощущать еще долго». Желна должна уметь «избирать для разговора подходящий момент, когда порыв тщеславия, амбиций, а иногда и доброты, откроет и расширит его ограниченный разум; немного вина также способно повлиять на его дурное настроение, на некоторое время его улучшив... самый верный и испытанный способ обуздать грубияна – вести себя с ним, как мудрый министр ведет себя с легкомысленным государем, то есть незаметно подсказывать ему те распоряжения, которые желаешь от него получить».

Шарлот Лукас либо читала труд маркиза, либо независимо от него пришла к тем же выводам. Однако дочь маркиза Элизабет оказалась не такой хорошей ученицей.

Язвительное замечание «Напрасный труд» было начертано рукою мужа Элизабет на форзаце ее дарственного экземпляра. Насколько напрасный – можно судить по письмам самого лорда Честерфильда. По-видимому, ни мать, ни супруга маркиза Галифакса, принимавшая участие в воспи-

танин юного лорда Филипа, так и не сумели внушить ему уважения к женскому полу.

«Женщины — это те же дети, только побольше ростом; они прелестно лепечут и бывают иногда остроумны; но что касается рассудительности и здравого смысла, то я за всю мою жизнь не знал ни единой женщины, которая могла бы последовательно рассуждать и действовать в течение двадцати четырех часов кряду, — напишет лорд Честерфильд своему незаконнорожденному сыну, тоже Филиппу, которому прочит карьеру дипломата. — Какое-нибудь пристрастие или прихоть всегда заставляет их изменить самые разумные решения. Если люди не признают за ними красоты или пренебрегают ею, дают им больше лет, чем им на самом деле, или недооценивают их мнимый ум, обида мгновенно оборачивается вспышкой гнева, которая начисто опрокидывает всю ту последовательность, к какой они только сумели прийти в самые осмысленные минуты своей жизни. Здравомыслящий мужчина лишь шутит с ними, играет, старается ублажить их и чем-нибудь им польстить, как будто перед ним и в самом деле живой своевольный ребенок, но он никогда не советуется с ними в серьезных вещах и не может доверить им ничего серьезного, хоть и часто старается убедить их, что делает то и другое, — и они этим больше всего на свете гордятся. Они ведь до чрезвычайности любят совать свой нос в дела (которым, между прочим, вмешательство их обычно только вредит), и, по спра-

ведливости подозревая мужчин в том, что те чаще всего относятся к ним несерьезно, они начинают просто боготворить того, кто говорит с ними как с равными, притворяется, что доверяет им, и даже спрашивает у них совета. Я говорю „притворяется“, потому что люди слабые делают это всерьез, люди же умные только делают вид, что совет этот имеет для них значение.

Никакая лесть не может быть для женщин слишком груба или слишком низка: с жадностью поглотят они самую неприкрытую и с благодарностью примут самую низкую, и ты спокойно можешь льстить любой женщине, превознося в ней все что угодно, начиная от ума и кончая изысканным изяществом ее веера... Человек, который собирается вращаться в высшем обществе, должен быть галантным, учтивым и оказывать женщинам знаки внимания, дабы всем им понравиться. Слабость мужчин приводит к тому, что при всех дворах женщины в той или иной степени пользуются влиянием: они, можно сказать, чеканят репутацию человека в высшем свете и либо пускают ее в обращение, либо опротестовывают ее и отказываются принять. Поэтому совершенно необходимо быть с ними обходительным, нравиться им, льстить и никогда не выказывать и тени небрежения, ибо этого они никогда не прощают».

Словом, на манипуляцию рекомендуется ответить манипуляцией. «Вор у вора дубинку украл». (За моей спиной лежит книжка Клода Штайнера «Антикарнеги», в которой

такой подход осуждается, а его пагубность доказывается на примере поведения Джорджа Буша в Иракском конфликте.) Кажется, это знамение эпохи – рассматривать брак как сделку, не всегда взаимовыгодную, в которой обеим сторонам не возбраняется ловчить для достижения своих целей, поскольку условия изначально несправедливы, но не могут быть изменены.

С одной стороны, ситуация не нова – супружество с древнейших времен было в первую очередь сделкой – экономической или политической. Но если раньше речь шла о сделке в интересах двух семей, двух родов, двух государств или шире – всего человечества (христианское понимание брака), а любовь и гармония в семье были результатом везения «брачующихся», то теперь речь идет именно о сделке двух людей, совершаемой в их собственных интересах, и любовь становится одним из рычагов влияния. Разумеется, в более выигрышной ситуации оказывается не тот, кто целует, а тот, кто подставляет щеку. С другой стороны, обольщение зачастую является единственно допустимой тактикой, в то время как в распоряжении мужчины остаются и кошельки, и закон, и идеологические аргументы, и розга учителя.

* * *

Находились оригиналы, которые, начитавшись подобных трактатов, пытались выстроить идеальный брак, разуме-

ется, путем «воспитания» жены.

Одну из таких попыток предпринял Томас Дэй, автор романа «Сэндфорда и Мертон», героиня которого мисс Сьюки Симмонс – не только идеальная домохозяйка, но и личность поистине незаурядная: она весь год принимает холодные ванны, встает при свечах, многие мили скачет рысью на лошади, она интересуется искусством и наукой, презирает моду, живет вдали от общества и посвящает много времени благотворительности. Воспев Сьюки Симмонс, Томас Дэй решил воплотить свой идеал в реальность. Вместе с другом, Джоном Бикнеллом, Томас посетил сиротский приют в Шрусбери и отобрал там для своего эксперимента хорошенькую блондинку двенадцати лет, назвав ее Сабриной – в честь протекавшей поблизости реки Северн – и Сидни, в честь Алджернона Сидни, одного из своих кумиров.

Эксперименты Томаса Дэя с Сабриной закончились полным провалом. Когда он капал ей на руку расплавленным сургучом, девочка не могла стерпеть боли и вздрагивала; когда он стрелял по ее юбкам из заряженных порохом пистолетов, она пугалась и визжала. Дэй признал сей печальный факт и отправил девочку в пансион, назначив ей щедрое содержание. Через три года она вышла замуж за его приятеля Джона Бикнелла. В 1778 году Томас наконец нашел подходящую супругу – некую Эстер Мильнер, которая ради него согласилась забросить игру на клавесине и не нанимать слуганок.

Роман антиковеда Джона Туэдделла закончился еще быстрее. Его избранница мисс Изабел Ганнинг порвала с ним, едва от пылких писем влюбленный перешел к посылке трактата Локка «Опыт о человеческом разумении», а также «Основ современной истории» и «Истории английской конституции».

** * **

Когда от трактатов философов и политиков возвращаешься к письмам и мемуарам рядовых англичан XVIII века, чувствуешь дуновение свежего ветра. В семьях (не экспериментальных, а самых обыкновенных) все по прежнему – мужья и жены не разучились любить друг друга. Вот отрывок из письма супруги Старого Дредноута – адмирала Боксуэна – полководца, сыгравшего выдающуюся роль в Семилетней войне.

Томас Дей (1748–1789) – британский писатель и abolitionist. Приобрел известность после благодаря книге «Ис-

тория Сэндфорда и Мертона»

«...Ты не можешь себе представить, какие планы я строю, желая лучше тебя встретить и принять. Из-за этого я провела много бессонных часов. Я наряжаюсь сама и наряжаю детей, я украшаю наш дом. Ты возвращаешься! Я живо представляю себе твой облик, твои речи. Что до меня, то их будет немного – я уже не смогу вымолвить ни слова. Иногда я никак не могу решить, во что мне одеться, – в синее, белое, желтое, красное или зеленое. Кажется, в последний раз я остановилась на белом, потому что наша встреча будет чем-то вроде повторной свадьбы, и я снова стану невестой, но более счастливой, чем в первый раз, потому что стала богаче на троих прекрасных детей».

Судя по письмам, они были по настоящему близки, и разумом, и телом, и душой, и адмирал недаром звал свою жену «дорогим другом и товарищем». Она пишет ему обо всем – о недавно прочитанной французской книге весьма фривольного содержания: «Но, милый мой, что это за книга! Мне стыдно за нее. Я прочитала ее целиком, и, не желая скрывать от тебя самых дурных поступков в моей жизни, я посылаю ее тебе, чтобы показать, какая безнравственная книга занимала твою целомудренную супругу последние два дня. (Считаешь ли ты меня такой же привлекательной, как Мирза?)» (Кажется, госпожа адмиральша пытается окольным путем внести разнообразие в их с адмиралом сек-

суальную жизнь. Если это так, надеюсь, она преуспела.)

Она отчитывается о ведении домашнего хозяйства: «все сено уже уложено в стога, а репа посажена», о семейных новостях (о свадьбе своего деверя): «Я считаю Джека очень счастливым парнем. Я думаю, что он почувствует себя еще счастливее с тех пор, как сможет наслаждаться обществом этой дамы не только днем, но ночью», и... снова о домашнем хозяйстве (или снова о сексе!): «Но довольно о свадьбе твоего брата. Теперь – о свадьбе твоей кобылы: уверяю тебя, что очень внимательно следила за нею...» И следует откровенный подробный отчет.

Она пишет ему о своих чаяниях: «Я не хочу ложиться рожать до твоего приезда. Присутствие столь великого человека может оказать на ребенка счастливое влияние, наделив его некоторыми из твоих героических качеств». И о своих страхах (в частности, ее беспокоило, что она недостаточно красива): «Я надеюсь, что ты найдешь чары в моем сердце, чары долга и любви, которые внушат тебе такую же любовь ко мне, как если бы я находилась в расцвете юности и красоты».

Сама Джейн Остин в романе «Доводы рассудка» изобразит очаровательную супружескую пару – адмирала Кроффта и его верную жену.

«– Как вы, верно, много на своем веку путешествовали, сударыня! – обратилась миссис Мазгроув к миссис Кроффт. – Да, сударыня, немало пришлось поплавать за те пят-

надцать лет, что я замужем; хотя многие эженщины и больше моего путешествовали. Четыре раза пересекала я атлантические воды, а однажды курсировала в Ост-Индию и обратно, но лишь однажды; да и у родных берегов где только не побывала: и Корк, и Лиссабон, и Гибралтар. А вот за Стрейтс забираться не доводилось, и в Вест-Индии я не побывала. Мы ведь, знаете ли, Бермудские и Багамские острова Вест-Индией не называем...

– И поверьте, сударыня, – продолжала миссис Крофт, – ничего нет удобнее военного корабля; я говорю, конечно, о крупных. На фрегате, признаться, стесненнее себя чувствуешь; хотя эженщина разумная и там сумеет превосходно обосноваться; смело могу сказать, лучшие дни моей жизни протекли на борту. Когда мы вместе, знаете ли, мне ничего не страшно. Слава тебе Господи! Здоровьем я всегда пользовалась отменным, климат мне любой нипочем. Первые сутки в море, бывает, помучаешься немного, а уж там и забудешь, что такое морская болезнь. Единственный раз, когда я томилаcь душою и телом, единственный раз, когда я маялась, вообразая себя больной и не находя покоя, – это в ту зиму, когда я торчала одна в Диле, а мой адмирал (тогда-то еще капитан Крофт) был в Северном море. Вот когда я страху натерпелась и каких только немощей себе не насочиняла, оттого что не знала, куда себя деть и когда я опять получу от него весточку; а когда мы вместе, ничего у меня не болит и я всегда покойна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.